

С. А. ФОМИЧЕВ

**Смеховой мир
в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович
с Иваном Никифоровичем»**

«История русской культуры XVIII—XX столетий, — заметил академик Д. С. Лихачев, — это по существу постоянный и чрезвычайно интересный диалог русской современности с Древней Русью, диалог далеко не мирный. В ходе этого диалога культура Древней Руси как бы росла, становилась все значительнее и значительнее»; «...история „открытия“ художественных ценностей древней русской литературы должна стать предметом особого исследования».¹ Вполне очевидно, что для такого исследования необходимо накопить материал конкретных наблюдений о преломлении традиций древнерусской словесности в классических произведениях нового времени.

«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» самим «звучным» названием своим отчетливо ориентировала читателя на восприятие ее в контексте диалога средневековья и современности. Отнюдь не в пользу последней. И этот контраст определил художественную концепцию всей книги Гоголя «Миргород», работа над которой шла одновременно с историческими занятиями писателя.

Повесть о ссоре написана ранее всех остальных, вошедших в эту книгу, и здесь были уже намечены темы трех предшествующих (но созданных позже) миргородских повестей. Рассказ о трогательной дружбе Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича — в иной, конечно, тональности — отзовется в идиллии «Старосветских помещиков». Героическая эпопея «Тарас Бульба» возникнет как «антипародия» повествования о ничтожной ссоре.² Мрачная фантастика и комический колорит «Вия» тоже в какой-то мере будут соотношены с «фантастическим» эпизодом похищения бурой свиньей прошения Ивана Ивановича и с рядом других деталей, как-то: сравнением его с «римским трибуном», рассуждением о ведьмах в связи с нелепыми слухами о хвосте у Ивана Никифоровича, постоянной путаницей «Бога» и «чорта» в репликах действующих лиц: «Бога бойтесь! бросьте просьбу, пусть она пропадет (сатана приснишь ей!)» и т. п.³ Закрывающая «Миргород» повесть о ссоре будто бы в контрапункте сводила все эти темы, подводя под ними окончательную черту: «Скучно на этом свете, господа!» (II, 276).

¹ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему Статьи и очерки Л, 1985 С 158—167

² Ср. позднейшее сближение подобных ситуаций «Тогда на просторе свободно и безнаказанно разыгрывалось казацкое молодечество < > И теперь в Малороссии тяжба в моде, но только на бумаге, а тогда же та же вечная тяжба, только на шабельках» (Кукольник Н. Вольный гетман пан Савва СПб, 1852 Т 2 С 455)

³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Изд-во АН СССР 1937 Т 2 С 250 Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страниц

При первой публикации в альманахе «Новоселье» (ч. 2, 1834) повесть была помечена 1831 г. Может быть, зарождению ее замысла содействовала статья Пушкина (Феофилакта Косичкина) «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», с которой Гоголь ознакомился летом 1831 г. и которая написана в тоне комического воодушевления, близком к стилистике повести о ссоре. Эта переключка могла бы показаться случайной, если бы мы не имели внятного подтверждения того, как живо откликнулся Гоголь именно на это качество пушкинской статьи. 21 августа 1831 г. он писал Пушкину: «Знаете ли, как бы хорошо написать эстетический разбор двух романов, положим „Петра Ивановича Выжигина“ и „Сокол был бы сокол, да курица съела“ <...> На одном из них, т. е. на Булгарине, означено направление чисто Байроновское (ведь это мысль не дурна сравнить Булгарина с Байроном). Та же гордость, та же буря сильных, непокорных страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видна и на нашем соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежит им обоим. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона; в самих даже портретах их заметно необыкновенное сходство. На счет Алек<сандра> Анфим<овича> можно опровергать мнение Феофилакта Косичкина; говорят, что скорее Орлов более философ, что Булгарин весь поэт...» (X, 203—204). В ответном письме Пушкин деликатно отвел подспудный гоголевский совет «усовершенствовать» статью, предоставляя ему самому написать нечто подобное: «Проект Вашей ученой критики удивительно хорош. Но Вы слишком ленивы, чтобы привести его в действие».⁴ Любопытно, что спустя два года Пушкин не узнал своей манеры в повести Гоголя, пометив 3 декабря 1833 г. в своем дневнике: «Вчера Гоголь читал мне сказку „Как Ив<ан> Ив<анович> поссорился с Иваном Тимоф<еевичем>“ (так! — С Ф) — очень оригинально и очень смешно» (XII, 316). Дело в том, что жанр трагедийной похвальной речи, которому следует в своем фельетоне Пушкин, в гоголевской повести существенно преобразуется.

Обращенный к ничтожным предметам, но сохраняющий все риторические приемы панегирика, жанр этот зародился еще в античной литературе («Похвальное слово плещи» Синесия Киренского — 300-е гг. н. э.; «Похвальное слово мухе» Лукиана — II в. н. э. и т. п.) и в эпоху Возрождения представлен знаменитой «Похвалой глупости» Эразма Роттердамского (1469—1536). Подобные произведения были широко представлены в русской сатирической журналистике XVIII в., в частности — в творчестве И. А. Крылова («Похвальная речь в память моему дедушке...», «Похвальная речь науке убивать время...» и др.).

Рассказчик же в повести Гоголя — болтливый миргородец, вовсе не желающий шутить; «очень смешна» повесть не только ничтожеством самого предмета, служащего поводом восторженной патетики, но прежде всего насыщенностью саморазоблачительными алогизмами — ср.: «Детей у него (Ивана Ивановича. — С Ф) не было. У Гапки есть дети и бегают просто по двору <...> А какой богомольный человек Иван Иванович!» — несколько позже один из этих мальцов просит его: «тятя, тятя, дай пряника» (II, 224—225, 240). И. Е. Мандельштам отмечал в повести «прием сопоставлений суждений, не имеющих никакой логической связи, ни внутренней, ни внешней, в сфере ли свойств человека, в сфере ли качеств предметов, характеров явлений, событий или нравственных понятий»⁵ Предхлесаковская «лег-

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Изд-во АН СССР 1941 Т. 14 С. 215 Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страниц

⁵ Мандельштам И. Е. О характере гоголевского стиля Гельсингфорс 1902 С. 280

кость необыкновенная в мыслях» провоцирует своеобразные провалы памяти у повествователя: начиная очередную фразу или период, он сам, кажется, не знает, чем кончит. Приемы подобного «грубого комизма» можно найти в литературе конца XVIII—начала XIX в. — ср., например, пассаж из повести третьестепенного литератора А. Кропотова «Юлия»: «Благочинный Вавила Всеведов, который знал людей не хуже полицейского устава, и уголовной палаты протоколист Мухоморов, которого рыжий парик был неоспоримым знаком наблюдательного духа, часто говаривали мне, что Юлия по красоте и разуму своему есть необыкновенная диковина». ⁶ Но Гоголь, конечно, не только наследовал литературную традицию, но прямо погружался в народный смеховой мир, обращаясь к жанрам анекдота, расшника, вертепного театра, бытовой сказки, лубка. «В балагане, — замечал М. Бахтин, — он находил и стиль вмешивающегося в ход действия балаганного зазывалы, с ее тонами иронического рекламирования и похвал, с ее алогизмами и нарочитыми нелепицами <...>. Смеховое слово организуется у Гоголя так, что целью его выступает не простое указание на отдельные отрицательные явления, а вскрытие особого аспекта мира как целого». ⁷

Характеризуя сущность смехового мира, Д. С. Лихачев пишет: «Перед нами изнанка мира. Мир перевернутый, реально невозможный, абсурдный, дурацкий». ⁸ Таков мир и в гоголевской повести о ссоре (ссора в Миргороде); безобразия представляется в нем прекрасным, ничтожное — великим: «Чудный город Миргород! <...> Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые можно принять за копына сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее» (II, 244). Ср. в песне «Агафонущка»:

Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток,
Чисто поле — по подлавечу,
А и синее море — в лохани вода. ⁹

«Смех, — по наблюдению Д. С. Лихачева, — делит мир надвое, создает бесконечное количество двойников, создает смеховую „тень“ действительности, раскалывает эту действительность. Эта „смеховая работа“ имеет свою инерцию...». ¹⁰ Так и у Гоголя наряду с Иваном Ивановичем возникает Иван же Никифорович. А далее появляется еще «не тот Иван Иванович, а другой», а вместе с ним Тарас Тарасович, Евтихий Евтихиевич, Елевферий Елевфериевич... В свою очередь кривой Иван Иванович наряду с хромым городничим — тоже из иного мира, опрокинутого, безобразного, и эта деталь обыгрывается Гоголем снова и снова, по законам балагурства — ср.: «Городничий даже бился с кривым Иваном Ивановичем, что не придет (Иван Никифорович. — С. Ф.), но разошелся только потому, что кривой Иван Иванович требовал, чтобы тот поставил в заклад простреленную свою ногу, а он кривое око...» (II, 270). В том же значении в повести постоянно происходит замещение абстрактно-духовного конкретно-бытовым, плотским — ср.: «Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвы-

⁶ Демокрит 1815 Кн 2 С 132

⁷ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики М, 1973 С 488, 493

⁸ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси Л, 1984 С 15

⁹ Там же С 257

¹⁰ Там же С 35

чайно приятно. Господи, как он говорит! Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас ищут в голове или потихоньку проводят пальцем по вашей пятке» (II, 226). Как заметил В. В. Виноградов: «В большинстве случаев эти словосочетания создают иллюзию смыслового уравнивания названий частей или вообще принадлежностей человеческого организма с именами обособленных вещей».¹¹

Под стать этому и портреты гоголевских героев: «Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх» (II, 226), — здесь и удвоение и перевертыш; «Весь стан ее (Агафии Федосеевны. — С. Ф.) похож был на кадущку <...> Ножки ее были коротенькие, сформированные на образец двух подушек» (II, 241) — опять удвоение и рифмовка; «У судьи (Демьяна Демьяновича! — С. Ф.) губа находилась под самым носом <...> Эта губа служила ему вместо табакерки» (II, 245). Таковы портреты и в народной сатире:

У нашего свата
Голова кудрява и хохлата,
Рожа — как кринка,
Нос — как дубинка,
Вместо рук — два ухвата,
Вместо ног клюка да лопата. ¹²

Среди миргородских обывателей по-особому выделен Антон Прокофьевич Пупопуз (так первоначально обозначена его фамилия, комически удвоенная — см. II, 225): «Антон Прокофьевич был совершенно добродетельный человек во всем значении этого слова: даст ли ему кто из почетных людей в Миргороде платок на шею или исподнее — он благодарит; щелкнет ли его кто слегка в нос, он и тогда благодарит. Если у него спрашивали: отчего это у вас, Антон Прокофьевич, скюртук коричневый, а рукава голубые? — то он обыкновенно отвечал: „А у вас и такого нет...“» (II, 266). Он не просто шут, в миргородском обществе он занимает место юродивого. Как отмечает А. М. Панченко, «городивый постоянно провоцирует зрителей, прямо-таки вынуждает их бить его», живет подаянием; «Рубаха юродивого не только покрывала срам, она была театральным костюмом. В описании этого костюма бросается в глаза одна повторяющаяся деталь, а именно лоскутность, „многошвейность“ рубахи»; «Знаменательно, что многие подвижники получили прозвание „нагой“»¹³ — это, вероятно, объясняет второе прозвище Антона Прокофьевича в повести: Голопузь (см.: II, 266).

Используя традиции смехового мира средневековья, Гоголь воссоздает современный мир. В Древней Руси жизнь была раздвоена на божественно-совершенную и нелепо-реальную, не отвечающую религиозному идеалу, верховному Закону. В мире Гоголя несколько иная антитеза. Если в средневековой смеховой литературе церковь уподоблялась кабаку («Служба кабаку», «Калязинская литебитная», «Праздник кабацких ярыжек» и пр.), то в повести о ссоре в трактир превращается миргородский суд (см. особенно главу «О том, что произошло в присутствии миргородского поветового суда») — по всем привычкам этого кромешного антимира, вплоть до того, что «крыша на нем вся деревянная, а была бы даже выкрашена красною краскою, если бы приготовленное для того масло канцелярские, приправивши луком, не съели, что было как нарочно во время поста...» (II, 244). Если в древнерусских «изнаночных» произведениях искажаются церковные тексты,

¹¹ Виноградов В. Этюды о стиле Гоголя. Л., 1925. С. 80.

¹² Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 272.

¹³ Там же. С. 90, 94–92.

то в ябедах Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича в крошечный (теневой) мир опрокидывается закон. И все нелепое разбирательство их прошений строится по принципу алогизма. Из жизни выхолощена суть, душа, и законы превращаются в антизаконы, отчужденные от истины и человека. Да и люди здесь — на кого они похожи? «Свиньи хрю, поросята гити, гуси гого...».¹⁴

В этом «Повесть о том, как поспорил Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» уже предвещала «Мертвые души».

¹⁴ Там же. С. 249.